

Глава 2

ФЕДЕРАЛИЗМ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ОПОРА СНИЗУ, или КАК ПОСТРОИТЬ И СОХРАНИТЬ ФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Представление о России как о федеративном государстве давно и глубоко укоренилось в правовой и политической мысли. Предпосылки для федерализма ищут и находят в Российской империи¹, о подлинном воплощении принципов социалистического федерализма говорят применительно к Советскому Союзу². Помимо этого, закрепленная в названии страны и в первой статье Конституции, федерация является основополагающей институциональной характеристикой современной системы управления. Однако использование понятия «федерализм» для описания правовых и политических взаимоотношений между центральными и региональными властями в России наталкивается на несоответствие отечественной политической практики тем правилам, которые характеризуют «классические федерации» — США, Канаду или Германию. Как результат, если Россия и является федерацией — а этот тезис сам по себе представляется спорным, к чему я еще вернусь ниже, — то федерация эта особая, отличающаяся от классических примеров.

Обычно федерация определяется через набор признаков и принципов взаимодействия между центральным и региональным уровнями власти. Надо признать, что сам этот набор вряд ли можно считать единожды и навсегда заданным, однако некоторое согласие по поводу минимально необходимых характеристик федеративного государства все-таки существует.

Классическое определение федеративного государства было дано Уильямом Райкером: «Конституция является федеративной, если (1) два

¹ См.: *Hagen M. Federalism and Pan-Movements: Re-imagining Empire // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 494–510.*

² См.: Федерация // Большая советская энциклопедия. (<http://bse.sci-lib.com/article115522.html>; дата обращения: 23.01.2014).

уровня правительства управляют одними и теми же территорией (*land*) и народом, (2) каждый уровень имеет, по крайней мере, одну сферу полномочий (*area of action*), в которой он является автономным, и (3) есть определенные гарантии (даже хотя бы просто в качестве утверждения в конституции) автономии каждого правительства в его собственной сфере»³. Таким образом, федерализм, согласно Райкеру, — это, прежде всего, *гарантированное конституцией распределение полномочий*. Однако, если учесть, что Райкеру было достаточно передачи на нижестоящий уровень власти всего лишь одной сферы полномочий, в настоящее время — эпоху децентрализации — сложно найти государство, не удовлетворяющее этому требованию, особенно при наличии развитой системы местного самоуправления.

Следовательно, существует потребность в нахождении дополнительного признака, способного отделить федеративные государства от нефедеративных. Михаил Филиппов, Питер Ордешук и Ольга Швецова считают таковым *избрание региональных руководителей на субнациональном уровне* вместо их назначения центральными властями⁴. Такой подход представляется справедливым, так как наличие собственных полномочий у региональных властей не обязательно ведет к их самостоятельности при принятии политических решений. В ситуации назначения глав регионов «сверху» они оказываются подконтрольными федеральным властям, а значит, в процессе принятия решений они будут ориентироваться на пожелания Центра. Важно отметить, что речь в данном случае идет именно о невозможности для центральных властей назначать собственных глав регионов или откровенно и значимо вмешиваться в процесс их избрания. В то же время этот принцип не исключает варианта функционирования на региональном уровне парламентской системы разделения властей, т. е. избрания главы региона соответствующим региональным парламентом.

В совокупности распределение полномочий и независимость назначения главы региона от центральных властей дают основания для формирования полноценной автономии субнационального уровня, что и является ключевым принципом функционирования федеративного государства. Однако, согласившись с упомянутыми Райкером гарантиями автономии, в качестве третьего признака необходимо ввести предложенный

³ Riker W.H. *Federalism. Origin, Operation, Significance*. Boston and Toronto. 1964. P. 13.

⁴ Filippov M., Ordeshook P.C., Shvetsova O. *Designing Federalism: a Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. New York, 2004. P. 9.

Дэниелом Элейзером принцип *соуправления единым государством*. Так, Элейзер пишет: «Федерация предполагает учреждение единого центрального правительствa, в пределах охвата которого формируется полития, а составляющие ее единицы получают право, с одной стороны, на самоуправление, а с другой — на соучастие в общем конституционном управлении образованием в целом»⁵. Требование соуправления позволяет регионам контролировать решения центральных властей, при необходимости сопротивляясь централизации власти в государстве.

Таким образом, можно выделить три основные характеристики федеративного государства: 1) распределение полномочий между центральными властями и субъектами Федерации, 2) выборность руководителей субъектов Федерации на субнациональном уровне, 3) участие субъектов Федерации в управлении всем государством. Именно они задают правила, по которым должны играть политические акторы, тем более если игра касается экономических и финансовых взаимоотношений между уровнями власти, чем непосредственно и является региональная политика.

Являясь законодателем моды в исследованиях федерализма, Райкер стал родоначальником практики рассмотрения федеративного устройства как торга (*bargaining*), который ведется между центральными властями, с одной стороны, и региональными элитами — с другой⁶. Из этого следует, что федеративные отношения между уровнями власти предполагают не подчинение, а переговоры и сотрудничество. В радикальном варианте эта точка зрения нашла свое отражение в работах Элейзера, настаивающего на том, что применительно к федеративным государствам речь должна идти не о децентрализации власти, а о ее нецентрализации (*non-centralization*)⁷.

Кроме того, подобное понимание федерализма предполагает его тесную связь с демократией как системой, поддерживающей полицентрические политические отношения при помощи свободных и справедливых выборов на общенациональном уровне. Авторитарные режимы тяготеют к моноцентризму, монопольному положению доминирующего актора на политическом пространстве, в то время как федеративные отношения предполагают наличие альтернативных акторов и даже по ряду вопросов государственного управления — вето-акторов, чья сила, как будет

⁵ Элейзер Д. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 107.

⁶ Filippov M. Riker and Federalism // Constitutional Political Economy. 2005. Vol. 16, N 2. P. 93–111.

⁷ Elazar D. American Federalism: A View from the State. New York, 1966.

показано ниже, основывается на поддержке региональными сообществами, что в современных условиях обеспечивается именно выборами.

Федерализм неразрывно связан с политическим плюрализмом, что отражается и в составе правящего класса. Свободные выборы на субнациональном уровне ведут к тому, что региональные руководители представлены не только сторонниками федеральных властей, но и оппозиционными политиками, которые, таким образом, принимают участие в формировании общенациональных решений через различные каналы представительства региональных интересов⁸.

Прототипом для создания такой концепции федеративного государства послужили Соединенные Штаты Америки. США и подобные им федерации были созданы путем объединения полностью или относительно независимых государств, которые, вступив в торг друг с другом, образовали федеральный Центр и сформировали такие конституционно зафиксированные правила игры, при которых центральные власти не имели возможностей трансформировать этот союз в унитарное государство.

Современные федерации создаются иным образом, а результаты институционального строительства здесь обретают совсем другие формы. Наиболее последовательно эти отличия охарактеризовал Альфред Степан в работе «Федерализм и демократия: за пределами модели США»⁹. Согласно Степану, существуют два типа федеративных государств и, как следствие, два типа федеративного устройства. Степан назвал их *coming-together federalism* и *holding-together federalism*. Их базовое отличие заключается в способе формирования федеративного государства. Первый тип формируется по американскому сценарию, который можно было бы назвать *сценарием централизации*. Второй, напротив, образуется по сценарию децентрализации, когда центральные власти унитарного государства наделяют полномочиями и политической автономией некоторые субнациональные территориальные или внутритерриториальные сообщества.

⁸ Примечательно, что, как отмечает Андрей Захаров, именно эта особенность федеративных государств привлекает авторитарных правителей, которые используют региональную автономию для кооптации представителей оппозиции в состав правящей элиты (см.: Захаров А.А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и в мире. М., 2012. С. 61–79).

⁹ Stepan A. Federalism and Democracy: Beyond the US Model // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10, N 4. P. 19–34.

Причины образования федераций в этих двух случаях различны. В первом речь идет об обеспечении безопасности составных частей будущей федерации. Отцы-основатели Соединенных Штатов подробно обосновывали это в серии статей в поддержку федеративной Конституции США: «Среди множества проблем... вопрос о безопасности занимает, пожалуй, первое место»¹⁰. Рассматривая выгодные стороны федеративного устройства, они говорили о том, что «поводов для войны будет меньше, если у нас будет одно федеральное правительство вместо нескольких правительств штатов»¹¹. Предсказывая последствия конфедеративного развития штатов, в одном из эссе авторы пишут: «Частные интересы каждой конфедерации, а вовсе не общие интересы Америки, стали бы единственной целью их политики. Следовательно, подобно большинству стран, имеющих внешние границы, они всегда будут вовлечены в споры и военные конфликты или будут жить в постоянном страхе перед их возникновением»¹² и поэтому «безопасность народа лучше всего обеспечит федеральное правительство» и «прочный Союз будет иметь величайшее значение для мира и свободы штатов как преграда раздорам и мятежам»¹³.

Для государства экономической основой суверенитета является торговля, или «коммерция». Так, в одиннадцатом эссе «Федералиста» говорится о том, что объединение штатов причиняет соседствующим государствам-колониям определенные неудобства, связанные с развитием торгового флота. «Настроения такого рода, естественно, подтолкнул к проведению политики поощрения разногласий между нами и лишения нас... возможности ведения АКТИВНОЙ КОММЕРЦИИ¹⁴ на наших судах... Если мы сохраним единство, то сможем рядом мер противодействовать этой крайне недружественной нашему благосостоянию политике»¹⁵. Райкер, чья работа является своеобразным теоретическим обоснованием идей Публия, назвал подобную линию аргументации «военным условием» формирования федерации¹⁶. В современном мире речь идет, прежде

¹⁰ См.: Федералист: Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Д. Джея. М., 1993. С. 39.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Там же. С. 49.

¹³ Там же. С. 49, 72.

¹⁴ Выделение автора.

¹⁵ Федералист. С. 87.

¹⁶ Riker W.H. Federalism. P. 13.

всего, об экономической безопасности. Так, к примеру, часто объясняют успех интеграционных процессов в Европейском союзе.

Образование федераций вследствие децентрализации унитарных государств происходит по совсем иным причинам. Центральные власти единых государств едва ли добровольно соглашаются на уменьшение объема собственных полномочий. К этому их может побудить только одно — угроза полной потери власти, которая обычно возникает в результате усиления конфликтов, вызванных наличием в той или иной стране *многосоставного общества*. Под этим термином понимается общество, «где линии политического противостояния... совпадают с линиями социального разделения общества». Такие линии разделяют сегменты многосоставного общества, которые создаются по различным критериям — религиозному, идеологическому, культурному, расовому или этническому¹⁷.

Из предложенного определения видно, что многосоставное общество конфликтно. В том случае, если сегменты локализованы компактно, противостояние между ними способно привести к территориальной дезинтеграции и последующему распаду государства. Если же сегменты расселены по территории государства дисперсно, существует опасность их силового противодействия, вплоть до гражданской войны. Мировая практика, а вслед за ней и политическая теория свидетельствуют, что избежать столь нежелательных эффектов можно только одним способом — децентрализуя и федерализируя политическое пространство и институциональное устройство государства.

Последовательным защитником данной стратегии является Аренд Лейпхарт. В соответствии с предлагаемой им *консоциональной моделью демократии*, все сегменты многосоставного общества должны участвовать в процессе принятия решений и иметь определенную степень автономии, что возможно при формировании федерации, границы субъектов которой совпадают с границами сегментов¹⁸. Представители сегментов могут проживать на территории страны как компактно, так и дисперсно. Следовательно, и субъекты Федерации могут быть как территориальными (регионы), так и внетерриториальными (языковые или конфессиональные сообщества).

Одним из самых известных критиков общественной модели является Дональд Хоровиц, автор работы «Этнические группы в конфликте», на

¹⁷ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 60–80.

основе которой позже была разработана *интегральная модель демократии*. Примечательно, что здесь неотъемлемым принципом распределения власти в многосоставном обществе остается федеративное устройство государства. Но, в отличие от консociальной модели Лейпхарта, интегральная модель предполагает, что границы субъектов Федерации ни в коем случае не должны совпадать с границами сегментов; напротив, необходимо произвести новое деление государства так, чтобы субъектами Федерации стали административно-территориальные единицы¹⁹.

В итоге главными причинами формирования федеративного государства в рамках модели Хоровица можно назвать, с одной стороны, *попытку урегулирования конфликта в едином государстве*, а с другой — *желание сегментов получить значительную долю собственной автономии*.

Классическим примером реализации описанного сценария является Бельгия, образованная в 1830 году в качестве унитарного государства. К тому времени на территории королевства проживали две лингвистические общности — фламандцы (фламандско-(голландско)язычное население) и валлоны (франкоязычное население, «франкофоны»). Фламандцы составляли большинство населения (51%), тогда как валлонов насчитывалось всего порядка 33%²⁰. Несмотря на это, политическая, экономическая и культурная элиты состояли исключительно из валлонов. Фламандскоязычное население было представлено главным образом крестьянами, рабочими и торговцами. Все фламандцы, выбившиеся в «высший класс» Бельгии, говорили по-французски; таким образом, знание французского языка являлось необходимым условием для продвижения по стратификационной лестнице.

В 1831 году королем Бельгии была принята Конституция суверенного государства, в соответствии с которой государство объявлялось конституционной монархией, чей политический курс определялся парламентом. На тот момент избирательным правом обладали не все граждане Бельгии. В Конституции был установлен экономический ценз: голосовали только те граждане, которые были в состоянии заплатить соответствующий налог. Таким образом, электорат состоял лишь из представителей высших слоев населения и фламандцы оказались почти полностью исключенными из процесса принятия общенациональных решений. Более того,

¹⁹ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley; Los Angeles; London, 1985. P. 601–622.

²⁰ См.: Loh W.D. *Nationalist Attitudes in Quebec and Belgium* // *The Journal of Conflict Resolution*. 1975. Vol. 19, N 2. P. 218.

«в Конституции Бельгии... вообще не упоминалось, что ее граждане говорят на двух разных языках — фламандском и французском»²¹, единственным государственным языком считался французский. Следовательно, именно на этом языке велось все государственное и финансово-экономическое делопроизводство. Результатом такой политики стало формирование у фламандцев чувства отчужденности от бельгийской государственности, что вело к нарастанию недовольства новым государственным устройством. К тому же вскоре после принятия Конституции общенациональное правительство выдвинуло идею создания единой нации, формирование которой осуществлялось на основе французского языка. Это и неудивительно — ведь именно франкофоны (валлоны) принимали все политические решения в государстве.

Бельгийский случай не уникален. Эрик Хобсбаум утверждал, что для формирования единой нации необходимо существование «политической нации», «которая первоначально создает систему понятий и образов для будущего “народа-нации”». Такая «политическая нация» «представляет в большинстве случаев лишь малую часть жителей данного государства, а именно его привилегированную элиту»²². В качестве примера автор предлагает политическую нацию англичан в Великобритании. Бельгийские валлоны также удачно вписываются в категорию «политической нации».

Однако подобные действия бельгийской (валлонской) элиты не подерживались фламандцами. К середине XIX века в Бельгии сформировалось сообщество фламандскоязычных граждан, получившее название фламандского движения и требующее на первом этапе лишь равенства фламандского и французского языков. У истоков движения стояли «интеллектуалы и профессионалы из среднего класса», число которых во Фландрии постепенно росло²³. Такое «воинство языковых националистов комплектовалось главным образом провинциальными газетчиками, школьными учителями и амбициозными мелкими чиновниками»²⁴. Именно выходцы из этих социальных групп занялись стандартизацией фламандских диалектов и обучением единому фламандскому языку остальных фламандцев.

²¹ См.: Моммен А. Федерализм и национальное государство // Полис. 1992. № 4. С. 172–173.

²² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 1998. С. 118.

²³ Dunn J.A. The Revision of Constitution in Belgium: A Study in the Institutionalisation of Ethnic Conflict // The Western Political Quarterly. 1974. Vol. 27, N 1. P. 144.

²⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. 137.

Фламандское движение, ставившее изначально исключительно цели культурного (в том числе лингвистического) возрождения Фландрии и всего «фламандского», постепенно стало обретать политическую окраску. Эту трансформацию прекрасно демонстрирует Мирослав Хрох²⁵. В данной модели выделяются три фазы. Описанный выше «культурный ренессанс», заложивший, по мнению Хобсбаума, «фундамент для последующих националистических движений», соответствует «**фазе А**» модели Хроха. В период развития «**фазы В**» в обществе появляются группы активистов, занимающиеся «политической пропагандой в пользу национальной идеи». «**Фаза С**» наступает, когда новая «национальная идея пользуется массовой поддержкой»²⁶. Именно по такому сценарию развивался лингвистический конфликт в Бельгии. Его не могли остановить даже действия общенационального правительства, связанные с постепенным приданием фламандскому языку официального государственного статуса. Вскоре появилось валлонское движение, и всё в конечном итоге вылилось в открытое противостояние валлонов и фламандцев, продолжавшееся до 70-х годов XX века. В ходе этой борьбы обе языковые группы требовали суверенитета или же предельной автономии.

Таким образом, уже на рубеже веков в Бельгии сложилось многосоставное общество, сегментами которого были валлоны и фламандцы. Проблемы, вызванные многосоставностью, усугублялись тем, что названные группы проживали дисперсно, но при этом существовали два региона, где они составляли большинство населения. В результате на всем протяжении XX века то Валлония, то Фландрия заявляли о своем суверенитете и выходе из состава Бельгии, а в столице государства — Брюсселе, население которого состоит из представителей обоих сегментов, периодически происходили беспорядки, вызванные существующим конфликтом.

Поскольку в центре конфликта всегда находились вопросы языка и культуры, неудивительно, что первая волна децентрализации ознаменовалась созданием в 1970 году трех экстерриториальных *культурных сообществ* — франко-, голландско- и немецкоязычного, получивших право на самоуправление в сфере языка и культуры. В 1980 году произошла вторая институциональная реформа, которая признала право сообществ на самоуправление не только в сфере культуры, но и прав человека,

²⁵ Hroch M. From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe // *Becoming National: A Reader* / ed. by G. Eley, R.G. Suny. New York; Oxford, 1996. P. 60–77.

²⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С. 165–166.

здоровья и социального обеспечения. В это же время были созданы два административно-территориальных региона — Фламандский и Валлонский. Все пять государственных образований имели право на собственные парламенты и кабинеты министров, которое и было реализовано (только фламандцы решили объединить органы власти сообщества и региона).

Третья волна децентрализации, пришедшая на 1988–1989 годы, оформила региональный статус Брюсселя — столицы Бельгии. В то же время сообщества получили право на управление в сфере образования, а регионы — в сфере транспортной инфраструктуры.

В результате Бельгия стала, пожалуй, единственным примером федерации, субъекты которой сформированы на основе дисперсно расселенных сегментов многосоставного общества (три *сообщества*). В то же время существует три исторически сложившихся территориальных субъекта (*регионы*).

Примеров, подобных бельгийскому, не так уж и мало. Децентрализация — одна из важнейших тенденций в государственном управлении последних пятидесяти лет. Примечательно, однако, что децентрализовавшиеся государства, даже достигнув уровня федеративного государства де-факто, отказываются признать в этом де-юре. В качестве примера можно привести Испанию, чья конституция, принятая в 1978 году, по сути, является федеративной, хотя и не содержит ни единого упоминания термина «федерализм» и производных от него²⁷.

Важной особенностью двух представленных выше путей формирования федеративного государства является активная роль в этом процессе формируемых субъектов Федерации. В случае сценария централизации Центра как такового изначально вообще нет, а главными действующими лицами являются государства, которые в дальнейшем станут субъектами Федерации. Именно они вступают в торг друг с другом, создают институциональный каркас будущего государства, в том числе и правила формирования федерального Центра и его дальнейшего взаимодействия с субъектами Федерации. Согласно сценарию децентрализации, субъектами становятся сегменты многосоставного общества — этнические, лингвистические, религиозные группы, — стремящиеся к независимости, но добившиеся, в том числе оружием и ценой многих жертв, только автономии в отношениях с центральными властями.

²⁷ См.: Agranoff R. Federal Asymmetry and Intergovernmental Relations in Spain // Asymmetric Federalism Series. (<http://www.queensu.ca/iigr/WorkingPapers/asymmetricfederalism/Agranoff2006.pdf>; дата обращения: 23.01.2014).

В обоих случаях будущие субъекты Федерации выступают именно как субъекты, настоящие акторы, по версии теории рационального выбора, — активные и стратегически мыслящие. Формирующееся федеративное государство рассматривается ими как цель их деятельности, желаемый продукт, за который они готовы платить высокую цену. Институциональный дизайн конкретной федерации определяется в ходе долгих переговоров, в которых они принимают самое непосредственное участие. Именно этот торг создает систему сдержек и противовесов, устанавливающих гарантии сохранения федеративного государства. В дальнейшем при нарушении кем-то условий заключенной «сделки» субъекты готовы активно препятствовать этому, защищая завоеванную ранее автономию.

В то же время можно предложить другое объяснение активной роли субъектов Федерации, которое будет лежать в русле социологической версии неоинституционализма²⁸. Как предположили мы с Марией Ноженко²⁹, определение субъектов Федерации через их формально-правовые характеристики является неполным, так как не включает в себя ту особенность субъектов, которая позволяет им защищать и отстаивать высокий политический статус. Субъект Федерации — это не просто набор органов власти, осуществляющих правление на определенной территории; это сложившееся политическое сообщество, обладающее собственными органами управления. Такое сообщество либо существовало изначально в рамках государства, ставшего в ходе реализации сценария централизации субъектом³⁰, либо сформировалось вследствие наличия многоставного общества. С формированием федерации идентичность, характеризующая данное сообщество, не исчезает, а лишь трансформируется в региональную.

При этом последняя не обязательно уходит на второй план, а может быть доминирующей для существенного числа граждан федеративного государства. «Известная особенность природы человека состоит в том, что его привязанности ослабевают пропорционально расстоянию или рас-

²⁸ См.: *Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44, N 5. P. 946–950.*

²⁹ *Ноженко М., Стародубцев А. Одна научная загадка, или почему губернаторы согласились с Президентом // Федерализм и российские регионы: сборник статей. М., 2006. С. 55–77.*

³⁰ Вспомним официальное обращение Публия к своему читателю — «К народу штата Нью-Йорк».

плывачагости объекта»³¹. Поэтому в любом возможном конфликте между федеральным Центром и субъектами «пристрастие народа... будет скорее на стороне правительств своих штатов, нежели федерального»³². Сохранение сильной региональной идентичности, несомненно, может рассматриваться как фактор, препятствующий формированию единой нации в рамках федерации. Однако наличие собственных политических сообществ в субъектах Федерации является одним из элементов механизма сдержек и противовесов: федеральный Центр не сможет полностью узурпировать власть в стране³³.

Таким образом, поддержка сохранения автономии субъектов Федерации происходит не только на формальном, но и на неформальном институциональном уровне. И следовательно, ответ на вопрос, заданный в названии этого раздела, заключается в том, что устойчивость федераций обусловлена, с одной стороны, особым институциональным дизайном (и в этом я согласен с основными тезисами работ Филиппова, Ордешука и Швецово³⁴ и Дженны Беднар³⁵), а с другой — готовностью соответствующего политического сообщества защищать собственную автономию.

ТРЕТИЙ РАДУЮЩИЙСЯ: ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ В РОССИИ

Попытка описать российскую политику с помощью универсальных политологических моделей — важная задача для политических исследований. Отказ от ее решения, пропагандируемый многими отечественными исследователями, навряд ли продуктивен как для самой политики, так и для дисциплины, ее изучающей. Однако бездумно применять сравнительные модели — значит быть «несознательным мыслителем», способным только раз за разом создавать «концептуальные натяжки»³⁶. Изучение существу-

³¹ См.: Федералист. С. 125.

³² Там же. С. 317.

³³ См.: *Ноженко М., Стародубцев А.* Одна научная загадка. С. 62.

³⁴ *Filippov M., Ordeshook P., Shvetsova O.* Designing Federalism.

³⁵ *Bednar J.* Robust Federation: Principles of Design. New York, 2009.

³⁶ *Sartori G.* Concept Misformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*. 1970. Vol. 64, N 4. P. 1033–1053; *Гельман В.Я.* Столкновение с айсбергом // *Полис*. 2001. № 6. С. 6–17.